

КОНЦЕПТ СНА В РАССКАЗАХ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

НАТАЛИЯ ГОНЧАР-ХАНДЖЯН*
Ереванский государственный университет

ИНГА КАРАПЕТЯН
Армяно-российский университет

Феномен сна существенен для понимания кросскультурного мифа и находит широкое отражение в религиозно-философских учениях, историографии и художественной литературе. Сон как лейтмотив, как основа фабулы или ключ к разрешению запутанной загадки появляется в литературе еще на заре ее возникновения, встречается в трудах Платона, Аристотеля, китайских философов, а сон мудреца-даоса Чжуан Цзи стал прообразом целого ряда литературных повествований. Онейрический прием моделирования текста широко применяется в литературе постмодернизма, черпающей из онейросферы нескончаемые темы и сюжеты.

Предметом данной статьи являются отдельные тексты (рассказы и романы) раннего Пелевина, культурологический анализ которых позволяет дополнить обширную критическую базу по изучению феномена популярного писателя-постмодерниста Виктора Пелевина. Цель статьи – с опорой на сравнительно-сопоставительный и аналитический методы рассмотреть отдельные тексты писателя в параллелях с религиозно-философской (Сведенборг, Чаттерджи Браман, Джон Донн) и психологической (Гроф) концепциями, определить основные приоритеты и художественные модели творчества писателя в контексте избранной темы.

Ключевые слова: Пелевин, сон, явь, ведущий концепт, постэкзистенциальный герой

* **Наталья Гончар-Ханджян** – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы ЕГУ

Նատալիա Գոնչար-Խանձյան – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, ԵՊՀ արտասահմանյան գրականության ամբիոնի դոցենտ

Natalie Gonchar-Khanjyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at YSU Chair of Foreign Literature

E-mail: natalie.goncharkhanjyan@ysu.am. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-5462-8509>

Инга Карапетян – Магистр кафедры русской и мировой литературы и культуры РАУ

Ինգա Կարապետյան – Ռուս և համաշխարհային գրականության և մշակույթի ամբիոնի մագիստրոս, Հայ-Ռուսական համալսարան

Inga Karapetyan – First-year master's student at the Department of Russian and World Literature and Culture, Russian-Armenian University

E-mail: inga.karapetyan@student.rau.am. ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2457-491X>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

Ստացվել է՝ 02.04.2024

Գրախոսվել է՝ 25.06.2024

Հաստատվել է՝ 03.07.2024

© The Author(s) 2024

Введение

Как эссенция-сущность человека подразделяется на три уровня – тело/душа/дух, где у каждой составляющей своя функция и свое назначение, так и экзистенция-существование имеет три формы – жидкое, газообразное и твердое, и «достойно сожаления, что большая часть человечества упорно продолжает существовать только в одной форме (как правило – третьей), отвергая две первые как несерьезные и опасные»¹. Выделив три формы существования, сербский писатель-постмодернист Горан Петрович две из них, соотносимые со стихиями воздуха и воды, определяет как состояния сна и пограничности *сон/явь*, которые, будучи физиологически присущи всем живым существам, лишь немногими используются сознательно, управляются и открывают доступ в иные миры и области знаний, помогают в решении запутанной загадки, оборачиваются откровением и ведут к научным открытиям.

На протяжении всей истории с незапамятных времен до наших дней сны вызывали у людей повышенный интерес, но научно-исследовательские данные о снах были получены совсем недавно, меньше века назад, благодаря открытиям американских физиологов Азеренски и Клейтмана и экспериментам Уильяма Димента, установившего опытным путем, что каждый из нас – сновидец. Другое дело, что большинство людей не сознают этого, словно «отводя взгляд и не желая смотреть, что происходит в их сне. В жизни эти люди более замкнуты, конформны, сдержанны и склонны избегать конфронтации и неприятностей или отрицать их, чем люди, которые помнят свои сны»². Техники осознанного погружения в сон, переживания сновидения, продления и управления сновидениями применялись древними шаманами, жрецами и храмовыми врачевателями, а метод работы со снами, введенный малайзийским племенем синоев, лег в основу современных психотерапевтических приемов, в частности, в гештальттерапии.

Еще на заре человечества сон стал занимать особое место в различных религиозных учениях, был непременной составляющей сакральных культов, ритуалов, мистерий, выступал ведущим элементом кросскультурного мифа. Концепт сна существенен для понимания и постижения восточных культур, в частности, китайской, а знаменитый сон мудреца Чжуан Чжоу (или Чжуан Цзы) станет отправной точкой для целого ряда литературных сюжетов. В японских танках и хокку прославляется *одинокий, милый сон*, в котором привидится поэту любимая, а персидская поэзия сравнивает сон с розой, объединив в одно два самых значимых и говорящих символа. Ведущую роль сон занимает и в греко-римских преданиях, мифах, в эпосе и драматических сюжетах. Мотив сна в средневековой литературе присутствует в скандинавских сагах и германском эпосе, в поэзии трубадуров и в «Романе о Розе», а поэму-путешествие Данте по Аду и сферам Рая Борхес назвал *сном протяженностью в вечность*.

Русская фольклорная и литературная традиции неизменно отводят сну, дреме, грезам особое место в своих сюжетах, а ориентальные сны становятся одной из тем в русской поэзии. Золотой век русской литературы дает неисчислимые примеры поэтических снов (Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Батюшков,

¹ Горан Петрович. Атлас, составленный небом. – СПб.: «Амфора», 2000, с.177.

² Занимательная психология. Под ред. В.Б. Шапарь. – Ростов н/Д.: «Феникс», 2008, с.100.

Грибоедов), мотив сна – часто встречающийся, временами, сюжетообразующий в русской прозе (Гоголь, Гончаров, Тургенев, Булгаков). Теме снов, по-своему трансформируя и преломляя ее, откликнулся Серебряный век (Бальмонт, Гумилев, Блок, Есенин), а русский постмодернизм сделал сон своим ведущим концептом.

Сон как переживание трансцендентного опыта, феноменология сновидений были и остаются в фокусе как научно-исследовательского, так и художественно-литературного интереса, а в постмодернистском дискурсе у современных русских авторов выступают как основной концептуальный прием для иллюстрации антагонистической модели индивид (*один в поле воин*, герой-модернист) vs общество (секуляризированный мир, постмодернистское пространство).

Создатель культурологического мифа, обобщающего весь предыдущий интеллектуальный опыт человечества, *не писатель*, а, скорее, *читатель*, по его собственному слову, всего свода мировой литературы, Х.Л.Борхес семантику снов делает определяющей в своих рассказах, стихотворениях, эссе, закладывает основы постмодернистской сновидческой концептосферы, и неслучайны переключки с текстами Борхеса у современных русских писателей, как и аллюзии на сновидческие модели мировой литературы, постскриптум к которой создал выдающийся аргентинский культуролог и мыслитель.

Ключом к пониманию творческого кредо, философской идеи, художественных ориентиров Виктора Пелевина может служить его небольшое эссе с говорящим названием «Икстлан-Петушки», где соотносятся, сопоставляются и рождаются два самых значимых для него литературных ориентира – текста-травелога о сновидческом путешествии к заветному знанию, к потерянному Раю, ко всему, «к чему стремится человек в своем сердце, к чему он будет идти всю свою жизнь»³. Давая свою версию вечного сюжета *истории о возвращении*, Пелевин цитирует микроновеллу Борхеса о четырех сюжетах-архетипах и свою *историю* заканчивает пессимистически, замечая, что «все равно все пути ведут в никуда!»⁴. Позиция Пелевина, выраженная в завершении эссе *о главном*, отвечает, можно сказать, обобщает идею русского постмодернизма, его своеобразный *постэкзистенциальный* посыл.

Авторское отношение Пелевина и русских постмодернистов Борхес предвосхитил, отметив намеренное и нарочитое неприятие новым временем счастливого финала, в котором видится «лишь грубо сфабрикованное потворство массовым вкусам»⁵. Таким образом, сон в постмодернизме как альтернативная Реальность, подменяющая реальность профанного мира, оборачивается кошмаром, от которого «бедный верой и отвагой»⁶ герой хочет поскорее очнуться.

Основная часть. Сон протяженностью в вечность: невымышленные миры Виктора Пелевина.

Если у Вен. Ерофеева сон предваряет смерть, то у Виктора Пелевина сон часто равнозначен смерти. Верный писательскому кредо «писать по книге в год»⁷,

³ Виктор Пелевин. Икстлан-Петушки. Рассказы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pelevin.pov.ru/rass/pe-ixt/1.html>. Далее сссылки на рассказ «Икстлан-Петушки» в тексте в скобках под цифрой 1.

⁴ Там же.

⁵ Х.Л. Борхес. Проза разных лет. – М.: «Радуга», 1984, с.281.

⁶ Там же, с.281.

⁷ Чак Паланик. На затравку. – М.: «АСТ», 2020, с.17.

Пелевин избирает сон в качестве одного из ведущих концептов творчества, что непосредственно продиктовано представлением об иллюзорности, ирреальности бытия, где «ирреальное переведено в категорию повседневного, банального», а «оживление» мертвецов – обыденное занятие между шаманскими камланиями и «глотками кока-колы»⁸.

В качестве отправной точки к пониманию раннего Пелевина будем опираться на положение индийского философа-мистика Чаттерджи Брамана о том, что, то, «что с одной точки зрения есть жизнь, может быть формой с другой. Всякая вещь, поскольку она форма, – уничтожается; поскольку же она сила или жизнь, она будет продолжать свое существование»⁹. В рассказе «Вести из Непала» (1991 год) героиня Любочка, она же инженер по рационализации на заводе с окладом в сто семьдесят рублей Любовь Григорьевна, сама того не сознавая, переживает свой «первый день воздушных мытарств»¹⁰ в знакомой компании сотрудников завода, которые, как обнаруживается под конец, тоже мертвы: «По-видимому, со всеми происходило то же самое – Шушпанов пытался заткнуть колпачком от авторучки пулевую дыру в виске, Каряев – вправить кости своего проломленного черепа, Шувалов зачесывал чуб на зубастый синий след молнии, и даже Костя, вспомнив, видимо какие-то сведения из брошюры о спасении утопающих, делал сам себе искусственное дыхание» (1).

Согласно Эмануэлю Сведенборгу, «образ духа есть образ человеческий, или дух есть человек даже по внешнему образу своему»¹¹, и, поскольку, по утверждению проникшего и постигшего *иные миры* мистика «человек после смерти является в совершенно человеческом облике»¹², то и Любочка видит себя в коридорном зеркале, расположенном «между доской почета и стендом с фотографиями побывавших в вытрезвителе сотрудников» (2) в привычном образе, которому, однако, присущи и некоторые демонические черты, как, например, ее «чуть обезьянье» (2) лицо и вышитые на спортивной шапочке «два красных зубца в синей окантовке» (2), традиционные в сатанинской символике.

Тема кармического зеркала возникает в эпизоде с неожиданно встреченной героиней рядом с промышленным блоком парочкой мужчин, облаченных в неуместные длинные ночные рубашки, издаലെка принятые Любочкой за спец-одежду – производственные халаты. «Один из них был толстым и низеньким, уже в летах, а другой – стриженным наголо молодым человеком» (2), которые, судя по их диалогу, забрели в кармический коридор «между двумя зеркалами» (2). Молодой все хочет «выяснить насчет смерти» (2), а старший на любочкин вопрос, не холодно ли им, отвечает, что «ему все это *снится*» (2), после чего оба убегают

⁸ Т.Р. Аюпов. Художественный мир реального Пелевина. Жур. «Мир науки, культуры, образования», 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-mir-rannego-pelevina>.

⁹ Жан Делюмо. Ужасы на Западе//в кн.: Зигмунд Фрейд. Жан Делюмо. Дж.Д. Фрезер. Я ничего не боюсь. Идентификация ужаса. – М.: «Родина», 2019, с.22.

¹⁰ Виктор Пелевин. Вести из Непала. Рассказы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-vene/1.html>. Далее ссылки на рассказ «Вести из Непала» в тексте в скобках под цифрой 2.

¹¹ Однер Зигстедт. Эмануэль Сведенборг. Эмануэль Сведенборг. Избранное. – М.: «Астрель», 2003, с.571.

¹² Там же.

и исчезают за углом, оставив после себя странное чувство недосказанности: «Дураки какие-то, пробормотала Любочка и двинулась дальше» (2). Исходя из стадий посмертных перевоплощений, изложенных в сакральной тибетской Книге Мертвых «Бардо тхёдрол», явившиеся Любочке духи находятся, вероятно, на стадии Сипэй бардо в поисках нового рождения: «Потеряв сознание от страха в предыдущем чоньи бардо, они теперь пробуждаются в новом виде – в бардо тела. Бардо тела отличается от той грубой оболочки, которая нам известна в нашем мире. Оно не материально и имеет много удивительных свойств. Оно способно проникнуть повсюду, даже сквозь твердые предметы и преграды»¹³.

Сама же героиня, скорее всего, может пребывать на стадии Чоньи бардо, которое есть бардо (промежуточное состояние) «переживания реальности»¹⁴, где она вначале сталкивается с *советской версией* индуистской дакини – «задорной бабой в оранжевой безрукавке, с ломом в руках» (2), хранительницей адских врат с подобающей месту надписью «ВСЯКИЙ ВХОДЯЩИЙ В ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ! НЕ ЗАБУДЬ НАДЕТЬ СПЕЦОДЕЖДУ!» (2). В поисках перерождения на промежуточной стадии своего пребывания, героиня переживает «последовательные видения богатого разнообразия<...> демонических существ» (2), закодированные постмодернистской символикой пелевинского гипертекста: хохочущие «в тяжких облаках дыма» (2) шоферы, сотрудники плано-экономической группы с горящими парафиновыми свечами и в длинных, перетянутых в талии шпагатом мешках с надписью «КРЮЧЬЯМИ НЕ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ» (2), зависшая под потолком «перепончатая тварь» (2) и др. Ощущение адского топоса усиливается постоянными отсылками к адской атрибутике, такими, как *котел, железный хлеб, зубило, металлорежущие ножницы, кувалда, плоскогубцы, сварка* и др., постоянно фигурирующими в тексте, а введенный Федором Каряевым рационализаторский метод по использованию «сменных грузов» (2) отсылает к кармическим весам Шинджи, на которых на стадии Сипэй бардо взвешиваются кармические проступки и заслуги покойного и определяется его посмертная судьба. Находящаяся на пограничной стадии между восьмым и двенадцатым днем – «временем появления гневных божеств»¹⁵, Любочка продолжает в потустороннем мире вращаться в привычном кругу дел, людей, обстоятельств, поскольку «человек уносит с собой в ту жизнь всю свою память»¹⁶, пока не обнаружит в кармане накинутого на плечи ватника («Чтобы сохранить дистанцию между собой и рабочими, она никогда не продевала руки в рукава» (2)) брошюру-памятку «МНОГОЛИКИЙ КАТМАНДУ» – текст-терму, который становится ключом к осознанию происходящего. Под нестерпимый гул «неземных балалаек» (2) Любочка «вдруг все вспомнила – и завыла сама» (2), но, поскольку период ее «воздушных мытарств» (2) не окончен, как и для героя ерофеевской поэмы, так и для героини пелевинского рассказа в мистической комбинации сон/смерть срабатывает эффект дежавю, возвращающий в исходную точку, с которой все начиналось.

¹³ Станислав Гроф. Величайшее путешествие. Сознание и тайна смерти. – М.: «АСТ. Издательство института трансперсональной психологии», 2007, с.112.

¹⁴ Там же, с.110.

¹⁵ Там же, с.111.

¹⁶ Однер Зигстедт. Эмануэль Сведенборг. См. указ. соч., с.580.

Многомерность художественного хронотопа, нарушение линейности времени присутствует у Пелевина во многих произведениях, является его знаковым приемом построения текста, что не только создает фоновую хронологию для повествования, но может стать самостоятельным действующим лицом сюжета, и для достижения подобного повествовательного эффекта писатель использует фигуру сна. Сон, сновидческое переживание смерти персонажами истории позволяет Пелевину мир *симулятивной* реальности, в данном случае – повседневности, заурядной *каждодневности* героя противопоставить миру фантомному, галлюцинаторному, иллюзорному, и здесь Пелевин использует отсылки к «Бардо тхёдол», чему наглядным примером служит сюжет «Вестей из Непала», а также отдельные эпизоды (путешествие в Валлгалу Петра Пустоты и Черного Барона) и в целом структура сюжета и образов в романе «Чапаев и Пустота» (1996 год), в котором развивается данная в раннем рассказе концепция. В романе основной идеей становится идея Внутренней Монголии, Сияющей Пустоты (к чему отсылает и фамилия героя) – угасания в вожденной Нирване как конечной точке порочного круга сансары, а также *визуализация* коллективного бессознательного, проходящего через весь кросскультурный миф. Роман представляет собой мозаику *исторических снов*, привидевшихся пациентам больницы для умалишенных. Свой постмодернистский онейрический коллаж Пелевин строит на аллюзиях, отсылающих к архетипичной в сновидческом литературном дискурсе драме Кальдерона «Жизнь есть сон», незаконченному роману Джойса «Поминки по Финнегану» (букв. «Пробуждение Финнегана»), рассказам про сны Борхеса – культурологической модели постмодернизма, к роману Фурманова «Чапаев», драме Вен. Ерофеева «Вальпургиева ночь», а также использует узнаваемые образы попкультуры того периода, прочно засевшие в массовом сознании (напр., Просто Мария – отсылка к популярному сериалу 1989 года, Арнольд Шварценеггер – киноактер боевиков, находившийся на пике популярности в конце 20-го века, и др.). Свой сюжет автор выстраивает с опорой на восточные учения, остроумно показывая взаимную интеграцию духовного, эзотерического, трансцендентального и бытового, массового, приземленного, а «за постмодернистской игрой на *границе тебя* кроется проблема проникновения профанного начала в сакральное»¹⁷.

Как и в драме Вен. Ерофеева, так и в романе Пелевина герой-интеллектуал, «с виконтами, графами, маркизами»¹⁸ *хлебающий водку*, «разрывающий все узы, постигающий все дхармы, не стремящийся ни к одной из услад»¹⁹, не способный принять *невыносимую легкость бытия* как данность, оказывается в психушке. Место действия здесь имеет и дополнительную нагрузку – пространственно-временного лабиринта между революционным Петербургом 1919-го года и современностью лихих 90-ых, и, наконец, Азией, где во вневременном континууме сотворяется Вселенная в вечном сне Брахмы. Текст, построенный на принципе нарочитого искажения исторического хронотопа, авторы биографической книги-расследования «Пелевин и поколение пустоты» Полотовский и Козак определяют

¹⁷ Мифопоэтическая философия романа Пелевина «Чапаев и Пустота». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vuzlit.com/572915/mifopoeticheskaya_filosofiya_romana_pelevina_chapaev_pustota.

¹⁸ **Венедикт Ерофеев.** Оставьте мою душу в покое. М.: «Х.Г.С.», 1995, с.185.

¹⁹ Там же, с.200.

как «альтернативное дао популярных героев»²⁰, в чьих снах смешиваются, миксуются и растворяются друг в друге до полного стирания границ культурные коды различных культур и разного времени.

В раннем рассказе Пелевина с говорящим названием «Спи» мы вновь сталкиваемся со знакомой по тексту Вен. Ерофеева моделью помещения героя-модерниста в постмодернистский хронотоп, в котором уход в сон оказывается единственной возможностью выживания в чуждом ему мире. Никита Сонечкин, герой рассказа, поначалу пытающийся сопротивляться наваливающемуся на него на лекциях по марксистско-ленинской философии лекциях сну, вдруг понимает, «что спят вокруг почти все, просто делают это гораздо умнее, чем он»²¹, а вскоре убеждается в благотворности постоянного пребывания во сне на все сферы жизни, будь то отношения с институтскими товарищами («Комсорг Сережа Фирсов, который мог во сне выпить одиннадцать кружек пива подряд, признался, что раньше все считали Никиту психом или, во всяком случае, человеком со странностями, но вот наконец выяснилось, что он вполне свой») (3) или с родителями, которые не нарадуются его преобразению («Умнеешь, – сказал отец, одним глазом глядя в потолок <...> У тебя прямо какое-то возрождение к жизни! – говорила ему мать, любившая торжественные обороты») (3). Сон стал действенным способом социальной интеграции, и «трудности существовали только до того момента, как он засыпал» (3). В мире пребывающих в состоянии постоянного транса граждан, запивающих пивом морскую капусту, Никита оказывается единственным, кто ощущает неизбежность одиночества и необходимость «с кем-то поговорить» (3), доискаться до правды, даже ценой нарушения социальных установок и норм: «Нет, – решил Никита, – надо прямо спрашивать. Черт знает, кто о чем говорит. А если милицию позовут, убегу...» (3), и начинает задавать «личные вопросы» (3), что еще больше заплетает клубок недоразумений. Подсказкой к пониманию экзистенциальной проблемы *сновидческого бытия*, ставшего тотальным *modus-om vivendi*, представляется увиденный в очереди за морской капустой затяжной сон во сне, в котором Никита проникает в иную реальность – обычно незримых и скрытых от заторможенного идеологическим сном социума вершителей судеб, «в костюмах с галстуками <...>, лысоватых, пожилых, с тенью одной какой-то невыразимой думы на лицах» (3), замазывающих замочную скважину икрой от бутерброда. В отличие от другого героя-модерниста – землемера К. из романа Кафки, не оставляющего тщетных попыток проникнуть в Замок, Никите удастся оказаться в *заповедной зоне*, но, уже адаптировавшись с иллюзорным миром, навязанным *сверху*, он вырывается из «порядком поднадоевшего сна» (3), уколов себя спасительной булавкой²².

Если для модернизма высшей ценностью считалась свобода – личности, творчества, свобода от любого идеологического диктата, то в рамках, заданных

²⁰ Сергей Полотовский, Роман Козак. Пелевин и поколение пустоты. – М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2012, с.76.

²¹ Виктор Пелевин. Спи. Рассказы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/gass/pe-spi/1.html>. Далее ссылки на рассказ «Спи» в тексте в скобках под цифрой 3.

²² Аналогичный прием с индикатором сна – английской булавкой – Пелевин использует и в романе «Generation “П”», он же встречается в созданном на постмодернистских аллюзиях фильме Кристофера Нолана «Начало» (2010 год)

тоталитарной системой, где крышу высотного дома венчает «Слава советскому человеку» (3), а «содержание сновидений задается экраном» (3), герою приходится поступиться свободой во имя антиутопической идиллии («заказ с двумя батонами колбасы, <...>, литр водки на праздники <...>, забрать Аннушку из садика, потому что жена идет к гинекологу <...>, взять у Германа Парменыча отгул на полдня за сегодняшний выход» (3)), выкинуть булавку в снег и раствориться в мире победившего постмодернизма.

Поворотной в судьбе правдоискателя Никиты станет ночная встреча с архангелами-дружинниками Гавриилом и Михаилом, угостившими его водкой, на этикетке которой красовалась «похожая на глаз эмблема «Союзплодоимпорта» – стилизованный земной шарик» (3) с аббревиатурой «СПИ». Фактически, наказ «СПИ» в сочетании со всевидящим оком – эмблемой «Союзплодоимпорта» воспринимается героем, отступившим от своих экзистенциальных поисков, «и директивой партии, и заветом Бога»²³.

Те же повествовательные идеологемы, вероятно, берущие начало в романах Кафки и «Вавилонской лотерее» Борхеса, прослеживаются и в романе Пелевина «Generation “П”» (1999 год), оказывающимся вторичным в соотнесении с ранним рассказом писателя. Неслучайно Джеймс Джойс замечал, что «в чернильнице у человека есть только один-единственный роман... а если их написано несколько, это все-таки тот же самый роман, более или менее измененный»²⁴. Герою романа, Вавилену Татарскому, с восемнадцати лет известному в мире и позиционирующему себя как Владимир, в порожденных галлюциногенными мухоморами и ЛСД видениях является древнеавилонская Иштар – богиня халдейских магов, о которой он когда-то писал научную работу. Поскольку, по замечанию выдающего исследователя области снов, физиолога И.И. Сеченова, «сновидение есть не что иное, как небывалая комбинация бывалых впечатлений»²⁵, то можно предположить, что незавершенный гештальт невостребованного своим временем интеллектуала из прошлого – эпохи модернизма, Татарского, пытающегося найти себя в современном поле постмодернистской реальности, получает свое разрешение через сны. Эта концепция переключается и с утверждением самого героя: «Когда исчезает субъект вечности, то исчезают и все ее объекты, – а единственным субъектом вечности является тот, кто хоть изредка про нее вспоминает»²⁶ (4), то есть выступает сновидцем вечности. Таким образом, в романе-метатексте содержатся отсылки к рассказам Борхеса «Круги руин» и «Вавилонская лотерея», и герой должен разгадать запечатанные на глиняных табличках загадки богини, чтобы стать халдеем и сочетаться браком с Иштар, чей золотой кумир находится в сакральном месте – верхнем помещении башни-

²³ **О.В. Богданова, Н.П. Беневоленская.** Социологизированный вариант субъективного идеализма в рассказе Пелевина «Спи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologizirovannyi-variant-subektivnogo-idealizma-v-rasskaze-v-pelevina-spi>.

²⁴ Из письма Итало Звево Валери Ларбо, 1925 год. Цит. по: **С. Ошеров.** Самопознание Этторе Шмица // в кн.: Итало Звево. Самопознание Дзено. – Ленинград: «Художественная литература», 1972, с.9.

²⁵ Полный справочник психоаналитика. Под ред. **Ю.Ю. Елисеева.** Глава: Сновидения и их толкование. – М.: ЭКСМО, 2008, с.331.

²⁶ **Виктор Пелевин.** «Generation “П”». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://4italka.su/prozain/sovremennaya_proza/334464/fulltext.htm. Далее ссылки на роман «Generation “П”» в тексте в скобках под цифрой 4.

зиккурата. Предметы, разыгрываемые в современной версии Вавилонской Лотереи, – пачка «Парламента», кубинская мелкая монетка с изображением революционного вождя Че Гевары и старая карандашная точилка из пластика в виде телевизора, травестируют древний культ Иштар с его магической символикой, а мистическая сила настолько «перестаралась с количеством указаний, предьявленных его испуганной душе одновременно» (4), что в его «душу заползла депрессия» (4). Встреча с «золотой богиней» (4) происходит во сне, наваянном старой программой телепередач с говорящим названием «Золотая комната», а на следующий после вещего сна день Вавилон оказывается в Зазеркалье, куда его приводит его новый босс и массмедийное *лицо* Леонид Азадовский. Сцена в останкином *зазеркалье* – непрямая аллюзия на культ Лесного царя, описанный Фрезером в крупнейшем этнографическом исследовании «Золотая ветвь»²⁷. Вавилон Татарский замещает задушенного Леонида Азадовского на должности супруга Иштар, в наследство от предшественника получив маленький телефон фирмы «Филипс» с одной-единственной кнопкой в виде золотого глаза (очередная отсылка к всевидящему оку) и став новым медийным *лицом*, непрестанно мелькающим в рекламах и телерепортажах, и даже «ходили слухи, что был снят вариант клипа, где по дороге идут тридцать Татарских, но так это или нет, не представляется возможным установить» (4).

Онейрическая тема, являющаяся сквозной в романах Пелевина «Чапаев и Пустота», «Generation “П”», «Числа», «Непобедимое солнце», важную роль играющая в продолжающем вымыслы «Empire V» романе «Бэтман Аполло», отсылающая к преданию о философе и мотыльке в «Жизни насекомых», особенно ярко представленная в рассказах писателя, задает содержание написанного в 1994-ом году бессюжетного рассказа-размышления на тему иллюзорности бытия, своеобразного *буддийского трактата* «Иван Кублаханов», уже самим своим названием перекликающегося как с привидевшейся во сне поэмой романтика Кольриджа, так и с рассказом Борхеса «Сон Кольриджа».

В попытке постигнуть феномен сна *протяженностью в целую жизнь* в рассказе Пелевина можно отталкиваться от проповеди метафизика Джона Донна «Поединок со смертью», где говорится, что «все периоды и переходы в нашей жизни суть лишь многочисленные переходы от одной смерти к другой. Само наше рождение, вступление в эту жизнь, – это *exitus a morte*, исход из смерти; ибо в утробе матери мы мертвы, так как еще не знаем, что мы живем; более, чем это бывает во сне»²⁸, и далее *exitus a morte* определяется как *introitus in morte* – «врата, <...> разрешение от той, утробной смерти, в смерть иную, туда, где мы преданы

²⁷ История о золотой ветви уходит корнями к древнему культу Дианы Немейской и обычаю наследования жреческой должности. Претендент на звание жреца (и по совместительству царя) должен был похитить золотую ветвь с дерева, охраняемого предшественником, и в процессе убить его, чтобы занять место. Фрезер связал этот обычай с ритуалами жертвоприношения царя-жреца: пока жрец здоров и силен — все будет хорошо, когда он ослабевает — нужно его заменить. Золотая ветвь, в свою очередь, — вместилище души царя. См. об этом: Этнокультурный состав мира. Джеймс Фрезер и «Золотая ветвь». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studme.org/385651/filosofiya/dzheymys_frezer_zolotaya_vetv.

²⁸ **Джон Донн.** Поединок со смертью. Перевод, предисловие, комментарии Н.Н. Казанского, А.И. Янковского. Журнал Звезда, N 8, 1999// [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fugatemporis.com/russian/donne.html>.

всем многообразным смертям этого мира»²⁹. Герой, Иван Кублаханов, – собирательный образ *заброшенного в мир* экзистенциалиста-одиночки, не находящего отклика среди толпы таких же одиночек, как он, и вынужденного пройти заведенный вселенским уставом путь зачатие/рождение/мучительный сон жизни/смерть/пробуждение от сна-перерождения. «И вот однажды призма прекратила свое существование. Сон про Ивана Кублаханова перестал сниться – он подошел к своему естественному концу, за которым началось нечто новое, такое же странное и захватывающее, как первые мгновения после рождения.<...>Начался новый сон, героем которого был кто-то другой, и память об Иване Кублаханове стала постепенно исчезать, сменяясь восприятиями совершенно иной природы»³⁰. Детально и натуралистически достоверно передает Пелевин переживания героя в *жидком* – утробном состоянии и сжато – в пределах, определенных рамками рассказа, – прохождения перинатальных стадий, согласующихся с концепцией основоположника перинатальной теории Станислава Грофа³¹. «До этого он никогда не испытывал боли и не знал, что это такое. А сейчас он столкнулся с ней и понял, что эта сила способна сколько угодно удерживать его во сне и не пускать в реальность. Это качество боли было самым пугающим, кроме того, она была неприятна сама по себе. Боль исходила отовсюду, а ее причиной было растущее усилие, с которым на него давили мягкие стены его дома. <...> мир вокруг решил сдавить его в точку, вернуть все к тому моменту, когда сон, еще безвредный и непонятный, только начинался» (5). И вновь в рассказе «Иван Кублаханов» постулируется лейтмотивная для творчества Пелевина тема, что жизнь это сон, но верно и обратное, и сон замещает жизнь, становится единственной формой реальности, продолжающейся и после смерти.

«Согласно западной материалистической науке, срок нашей жизни ограничивается периодом от зачатия до биологической смерти. <...> Данная позиция противоречит верованиям всех великих религий и духовных систем древних и доиндустриальных культур, которые понимают смерть не как прекращение любой формы существования, но как важный перехода»³². Виктор Пелевин, в свою очередь, не разделяет «невероятного заблуждения, что человек создан из ничего, а его нынешнее рождение – это первое вступление в жизнь»³³ и строит свои тексты на принципах кросскультурного мифа, закодированного в содержании пародийно обыгрываемой трансгрессивной прозы.

Истоки поэтики писателя-маргинала можно искать в небольшом эссе Пелевина «Икстлан-Петушки», где сводятся воедино «не только способ путешествия и его детали, но и сама его цель» (1) у самых знаковых для Пелевина авторов – Карлоса

²⁹ Там же.

³⁰ **Виктор Пелевин.** Иван Кублаханов. Рассказы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-ivku/1.html>. Далее ссылки на рассказ «Иван Кублаханов» в тексте в скобках под цифрой 4.

³¹ О трех уровнях человеческого сознания, их влияния на нашу жизнь, а также о революционной карте сознания, объясняющей наши взгляды на поведение, личность и взаимосвязь сознания и тела см.: **Станислав Гроф.** Холотропное сознание. – М.: «Ганга», 2006, сс.46-104.

³² **Станислав Гроф.** Космическая игра. – М.: «Ганга». Издательство института трансперсональной психологии», 2002, с.150.

³³ **Артур Шопенгауэр.** Parerga und Paralipomena. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/FILOSOF/SHOPENGAUER/s_paregra.txt.

Кастанеды и Венедикта Ерофеева, каждый из которых, по Пелевину, создает свой «способ вечного возвращения» (1) и свое видение Рая, очень схожее – несмотря на разность культур – и синхронизирующееся в стихотворной формуле, данной Хуаном Раменом Хименесом:

«...И я уйду. Но птицы останутся
петь, И останется мой сад со своим зеленым деревом,

Со своим колодцем» (цит. по: Пелевин Виктор. Икстлан-Петушки (1).

Как и его литературный предтеча Вен. Ерофеев, Виктор Пелевин не приемлет заданного еще советской системой секуляризованного мироустройства, но идет не по пути *смертного сна*, а предпринимает свое *путешествие в Страну Востока* и, обосновавшись в Таиланде, делает *сон протяженностью в вечность* главным концептом своего творчества, сохраняя экзистенциальную свободу личности, опираясь на те же незамысловатые *рецепты*, которые нашел и предложил его предшественник Венечка Ерофеев: «Во-первых, действие каббалистических эманаций нейтрализуется алкоголем, во-вторых, для подавления магии в русском языке существует один очень простой, но очень действенный триграмматон, который легко прочитать на стенке любого российского лифта»³⁴.

Заключение

Творчество нашего современника, популярного русского писателя Виктора Пелевина, книги которого издаются и переиздаются миллионными тиражами³⁵, уже не первое десятилетие находится в фокусе внимания читателей и критики. Семантика снов в творческой парадигме Пелевина играет ключевую роль и существенна для понимания его авторской концепции. Онейрический мотив, вводимый писателем в многоуровневое повествование, конструирующий его, способствует созданию текста-палимпсеста, включающего в себя множественные культурные реминисценции и мифологические структуры в сочетании с игровой компонентой. Сон как основной или вспомогательный мотив присутствует в вышеназванных романах, в повестях, в частности, ранней повести «Принц Госплана», в пьесе «Шлем ужаса. Креатифф о Тесе и Ариадне», в особенности – в рассказах. Так, в рассказе «Проблема верволка в средней полосе» главный герой, известный читателю по повести «Принц Госплана» Саша Лапин, вслед за кэрроловской Алисой и борхесовским магом-сновидцем становится перед проблемой реальности собственного существования: «Возможно, это мне снится, возможно – я сам чей-то сон»³⁶, а рассказ «СССР Тайшоу Чжуань» в своем сюжете опирается на даосское представление об иллюзорности всего сущего. Восточные религиозно-философские доктрины даосизм и буддизм, заключенные в формуле «жизнь есть сон», в сочетании с постмодернистской концепцией симулятивного бытия позволяют раскрыть смысл рассказов писателя 1991-го года «Девятый сон Веры Павловны» и «Встроенный

³⁴ Виктор Пелевин. ГКЧП как тетраграмматон. М.: «ЭКСМО», 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-tetra/1.html>.

³⁵ По данным Российского книжного союза суммарный тираж книг Пелевина, выпущенных издательством «Эксмо», превышает 4 миллиона бумажных экземпляров и 300 тысяч в электронном варианте. См. информацию об этом на сайте: Российский книжный союз KGBT+ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bookunion.ru/books/6574/>.

³⁶ Сергей Полотовский, Роман Козак. См. указ. соч., с.83.

наполнитель». Эти, как и другие *онейрические* рассказы Пелевина станут темой наших дальнейших научных обращений к творчеству писателя. Рассмотренные в данной статье ранние рассказы Пелевина «Вести из Непала», «Спи», «Иван Кублаханов», как и два ранних его романа, находящихся в прямой перекличке с рассказами, интересны и примечательны с точки зрения заключенных в них культурных кодов и множественных аллюзий, которые мы попытались отследить. «Рассказ для него – основной жанр, полигон, тренировочная площадка перед выходом на более крупные формы»³⁷. Таким образом, именно через критическое прочтение рассказов можно создать основу для понимания и изучения феномена популярного писателя-романиста Виктора Пелевина.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аюпов Т.Р.* Художественный мир реального Пелевина. Журн. «Мир науки, культуры, образования», 2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-mir-rannego-pelevina> (Дата обращения: 05.02.2024г.).
2. *Богданова О.В., Беневоленская Н.П.* Социологизированный вариант субъективного идеализма в рассказе Пелевина «Спи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologizirovannyi-variant-subektivnogo-idealizma-v-rasskaze-v-pelevina-spi> (Дата обращения: 01.01.2024г.).
3. *Борхес Х.Л.* Проза разных лет. – М.: «Радуга», 1984. – 320с.
4. *Гроф Станислав.* Величайшее путешествие. Сознание и тайна смерти. – М.: «АСТ. Издательство института трансперсональной психологии», 2007. – 475, [5]с.
5. *Гроф Станислав.* Космическая игра. – М.: «Ганга». Издательство института трансперсональной психологии», 2002. – 248, [8] с.
6. *Гроф Станислав.* Холотропное сознание. – М.: «Ганга», 2006. – 267, [5] с.
7. *Делюмо Жан.* Ужасы на Западе//в кн.: Зигмунд Фрейд. Жан Делюмо. Дж.Д. Фрезер. Я ничего не боюсь. Идентификация ужаса. – М.: «Родина», 2019. – 432с.
8. *Донн Джон.* Поединок со смертью. Перевод, предисловие, комментарии Н.Н.Казанского, А.И. Янковского. Журнал Звезда, № 8, 1999// [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fugatemporis.com/russian/donne.html> (Дата обращения. 12.01.2024г.).
9. *Ерофеев Венедикт.* Оставьте мою душу в покое. М.: «Х.Г.С.», 1995. – 408с.
10. Занимательная психология. Под ред. В.Б. Шапарь. – Ростов н/Д.: «Феникс», 2008. 431с.
11. *Зигстендт Однер.* Эмануэль Сведенборг. Эмануэль Сведенборг. Избранное. – М.: «Астрель», 2003. – 887с.
12. Мифопоэтическая философия романа Пелевина «Чапаев и Пустота». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vuzlit.com/572915/mifopoeticheskaya_filosofiya_romana_pelevina_chapaev_pustota (Дата обращения: 05.01.2024г.).
13. *Ошеров С.* Самопознание Этторе Шмица//в кн.: *Итало Звево.* Самопознание Дзено. – Ленинград: «Художественная литература», 1972. – 440с.
14. *Паланик Чак.* На завтрак. – М.: «АСТ», 2020. – 288с.
15. *Пелевин В.О.* «Generation “П”». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://4italka.su/proza-main-sovremennaya-proza/334464/fulltext.htm> (Дата обращения: 21.01.2024г.).
16. *Пелевин Виктор.* Вести из Непала. Рассказы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-vene/1.html> (Дата обращения. 19.01.2024г.).
17. *Пелевин Виктор.* ГКЧП как тетраграмматон. М.: «ЭКСМО», 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-tetra/1.html> (23.01.2024г.).
18. *Пелевин В.* Иван Кублаханов. Рассказы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

³⁷ Там же, с.51.

- <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-ivku/1.html> (Дата обращения: 14.02.2024г.).
19. Пелевин Виктор. Икстлан-Петушки. Рассказы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-ixt/1.html> (Дата обращения: 20.02.2024г.).
20. Пелевин Виктор. Спи. Рассказы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-spi/1.html> (Дата обращения: 20.02.2024г.).
21. Петрович Горан. Атлас, составленный небом. – СПб.: «Амфора», 2000. – 282с.
22. Полный справочник психоаналитика. Под ред. Ю.Ю. Елисеева. Глава: Сновидения и их толкование. – М.: ЭКСМО, 2008. – 608с.
23. Полотовский Сергей, Козак Роман. Пелевин и поколение пустоты. – М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2012. – 232с.
24. Российский книжный союз KGBT+ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bookunion.ru/books/6574/> (Дата обращения: 14.01.2024г.).
25. Шопенгауэр Артур. Parerga und Paralipomena. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.ru/FILOSOF/SHOPENGAUER/s_paregra.txt (Дата обращения: 15.01.2024г.).
26. Этнокультурный состав мира. Джеймс Фрезер и «Золотая ветвь». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://studme.org/385651/filosofiya/dzheyms_frezer_zolotaya_vetv (Дата обращения: 15.01.2024г.).

ՆԱՏԱԼԻԱ ԳՈՆՉԱՐ-ԽԱՆՉՅԱՆ, ԻՆԳԱ ԿԱՐԱՊԵՏՅԱՆ – Երազի հայեցակարգը Վիկտոր Պելևինի պատմվածքներում – Երազի ֆենոմենը էական է միջմշակութային առասպելի ընկալման համար և լայնորեն արտացոլված է կրոնափիլիսոփայական ուսմունքներում, պատմագրության և գեղարվեստական գրականության մեջ: Երազը որպես լեյտմոտիվ, որպես սյուժեի հիմք կամ բարդ հանելուկ լուծելու բանալի գրականության մեջ հայտնվում է դրա առաջացման արշալույսին, հանդիպում է Պլատոնի, Արիստոտելի և չինացի փիլիսոփաների աշխատություններում, իսկ դառսական իմաստասեր Չժուան Ցզիի հայտնի երազը դարձավ մի շարք գրական ստեղծագործությունների նախատիպը: Պոստմոդեռն գրականության մեջ լայնորեն կիրառվում է տեքստի մոդելավորման օնեյրիկ մեթոդը, որն անվերջանալի թեմաներ ու սյուժեներ է հանում օնեյրոսֆերայից:

Այս հոդվածի թեման է Պելևինի վաղ շրջանի առանձին տեքստերը (պատմվածքներ և վեպեր), որոնց մշակութաբանական վերլուծությունը թույլ է տալիս լրացնել հանրաճանաչ պոստմոդեռնիստ գրողի ֆենոմենի ուսումնասիրության քննադատական լայնածավալ բազան: Հոդվածի նպատակն է՝ համեմատական և վերլուծական մեթոդների կիրառմամբ դիտարկել գրողի առանձին տեքստերը կրոնափիլիսոփայական (Սվեդենբորգ, Չաթրջի Բրաման, Ջոն Դոն) և հոգեբանական (Գրոֆ) հասկացությունների գուգահեռ, որոշել գրողի տեքստերի հիմնական առաջնահերթությունները և գեղարվեստական ստեղծագործական մոդելները ընտրված թեմայի համատեքստում:

Բանալի բաներ – Պելևին, երազ, իրականություն, առաջատար հայեցակարգ, պոստեկզիստենցիալ հերոս

NATALIYA GONCHAR-KHANJYAN, INGA KARAPETYAN – The Concept of Sleep in the Stories of Victor Pelevin – The phenomenon of sleep is essential for understanding cross-cultural myth and is widely reflected in religious and philosophical teachings, historiography and fiction. The dream as a leitmotif, as the basis of the plot or the key to solving a complicated riddle

appears in literature at the dawn of its emergence, is found in the works of Plato, Aristotle, and Chinese philosophers, and the dream of the Taoist sage Zhuang Ji became the prototype of a number of literary narratives. The oneiric technique of text modeling is widely used in postmodern literature, which draws endless themes and plots from the oneirosphere.

The subject of this article is separate texts (stories and novels) from the early period of Pelevin's creative work, the cultural analysis of which allows us to supplement the extensive critical base for studying the phenomenon of the popular postmodernist writer Victor Pelevin. The purpose of the article is, based on comparative and analytical methods, to consider separate texts of the writer in parallel with religious-philosophical (Swedenborg, Chatterjee Braman, John Donne) and psychological (Grof) concepts, to determine the main priorities and artistic models of the writer's creativity in the context of the chosen topic.

Key words: *Pelevin, dream, reality, leading concept, post-existential hero*